

Глеб Иванович Успенский

«Лядины»

Глеб Иванович Успенский

«Лядины»

Серия «Непорванные связи», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665455*

Аннотация

«...Господам столичным охотникам очень хорошо должно быть известно, что такие бесплодные, хотя и дорого стоящие, экскурсии оканчиваются выстрелами в пустые бутылки вовсе не потому, чтобы в лядине не было ни птиц, ни зверей. Как известно, в противном уверяют охотников все местные обыватели-мужички, разделяющие с ними трудности экскурсии. Один, например, Родион Миловидов, сам видел целое полчище тетеревов в то самое время, когда барин, около которого он хлопотал, сидел в шалаше и ничего не видал. Если же Родион и не убил ни одного тетерева, то именно потому, что «поопасился» барина потревожить, «как бы, мол, не осерчали, зачем разбиваешь охоту, – а то тетеревей было даже до пропасти, вот это самое место»...»

Глеб Иванович Успенский

«Лядины»

Всякому петербургскому ружейному охотнику должны быть хорошо известны те места, преимущественно в Новгородской губернии, которые называются *лягами*, или *лядинами*, куда господа столичные охотники ездят бить медведей, зайцев, лисиц, тетеревов, вальдшнепов, бекасов и вообще всевозможных зверей и птиц и откуда возвращаются в столицу, в большинстве случаев не пролив ни единой капли птичьей или звериной крови и не выпустив из своих превосходных ружей ни единого превосходного патрона, если не считать нескольких выстрелов в пустые бутылки от рейнвейна, опорожненные за завтраком и очень часто (надо отдать честь искусству господ столичных охотников) разбиваемые в мелкие дребезги на лету...

Господам столичным охотникам очень хорошо должно быть известно, что такие бесплодные, хотя и дорого стоящие, экскурсии оканчиваются выстрелами в пустые бутылки вовсе не потому, чтобы в лядине не было ни птиц, ни зверей. Как известно, в противном уверяют охотников все местные обыватели-мужички, разделяющие с ними трудности экскурсии. Один, например, Родион Миловидов, сам видел целое полчище тетеревов в то самое время, когда барин, около которого он хлопотал, сидел в шалаше и ничего не ви-

дал. Если же Родион и не убил ни одного тетерева, то именно потому, что «поопасился» барина потревожить, «как бы, мол, не осерчали, зачем разбиваешь охоту, – а то тетеревей было даже до пропасти, вот это самое место». Зайцев, или, как говорят здесь, зайцов, Иван Харитонов также настиг целую стаю, «хощь руками бери», да на грех у него ружье не далеко бьет и порох «крупен», «поопасился у господ увспросить пороху, а то бы, ежели бы с хорошим ружьем, так он одним ударом в ключья бы всю стаю расшиб; главная причина – ружье очень неспособно... А кабы, ежели!»

Господам охотникам так же должно быть хорошо известно, что такого рода уверения, начинающиеся обыкновенно после полной неудачи и блещущие удивительной изобретательностью, хоть и страдают известной долею преувеличений, имеющих целью успокоить неудовлетворенных «господ», объяснив неудачу охоты только самыми незначительными случайностями («ружье не хватает», «поопасился вдарить» и т. д.), но не совсем лишены и некоторого правдоподобия, так как не только Иван Харитонов или Родион Миловидов видели «собственными глазами» и зайцев и тетеревов, но и сами господа охотники также видали – хотя, конечно, не в таких, как Миловидов и Харитонов, размерах – и тетеревов и зайцев. «Действительно, – подтверждает свидетельство Миловидова г. N***, – я сам видел тетерева... только ужасно далеко!» Г-н М. также видел и утку и зайца и стрелял, но не попал. Мало того: иногда во время этих разговоров,

а иной раз именно в ту минуту, когда охота уж кончилась и охотники, отложив попечение о кровопролитии, начинают палить в бутылку, именно в эту-то минуту у кого-нибудь из них «из-под самых ног», в буквальном смысле, шумно взорвется тетерев, и – удивительно! – нисколько не спеша и не торопясь, умеет как-то тут же куда-то бесследно исчезнуть, пропасть у всех на глазах!

Такое очень частое появление «из-под самых ног» или «под самым носом» всевозможного зверья и птицы, наряду с собственными, также довольно частыми наблюдениями господ охотников и уверениями местных обывателей, несмотря на почти постоянные неудачи столичных охотников, продолжает удерживать за «лядинами» славу отличнейших для охоты мест.

И точно, есть здесь много всякого зверья и птицы; но отличительные природные свойства, характеризующие местности, называемые лядинами, дают ей полную возможность пропадать из-под носа и из-под ног. Даже подстреленную птицу или зайца иногда бывает очень трудно, а очень часто и просто невозможно разыскать, хотя и видно, куда она упала. Поминутно от местных охотников-крестьян слышишь: «вдари я в него – только шерсть ключьями разлетелась; побег я, хотел уж руками брать, а он (заяц) очуствовался, прыгнул в прутняк, искал-искал-искал – нет! А уж верно, мертвый лежит где-нибудь!» Природные свойства ляги, так приветливо укрывающие зверя и в такое беспомощное положение ставя-

щие человека, заключаются в следующем.

Лядины – суть громадные пространства лесных болот, перемежающиеся с незначительными более или менее сухими (но никогда совершенно не высыхающими) пространствами, едва-едва приподнятыми над поверхностью болот. Пространства эти, не исключая самых топких мест, густо покрыты довольно разнообразными породами леса – ель, сосна, береза, ольха, осина – леса, растущего в буквальном смысле, «как борода»: так же скоро и так же часто. Из каждого срубленного более или менее рослого дерева в тот же год целыми пучками начинает пробивать прутняк, густыми, непроходимыми стенами которого окружены все промежутки между рослыми деревьями, все пни, и которым непроходимо зарастают так называемые *гари*, места лесных пожаров.

В этих гаях прутняк (коллективное название всякой древесной породы, растущей тонким, длинным и ломким прутком), как щетка, лезет из мхов, из-под старых корней, опутывает громадные сгнившие, поваленные огнем и ветром и гнилью деревья, и вот здесь-то во всякое время года преспокойно полеживает и погуливает Михайло Иванович, твердо зная, что до него здесь никто не доберется. Здесь нельзя сделать шагу без звонкого треска сучьев, ломающихся и под ногами и в руках, которыми приходится раздвигать густой прутняк чуть не у самого носа. Сухие сучья от малейшего толчка, по сухому, кое-как еще держащемуся на ногах дереву, падают с треском вам на дорогу, загораживают

путь, который весь пересечен массами наваленных друг на друга деревьев. Нога проваливается в гнилой пень, и, едва выбравшись из этой засады, вы попадаете в непроходимую топь. И гнилые деревья, и сухие сучья, и корни, и пни – все это обильно затянуто какою-то неустанно лезущей из болота растительностью мхов, болотных трав, цветов, ягод, каких-то грибных наростов, и под всем этим – вода, грязь бездонная, гниль мокрая, какой-то зацветший, заплесневелый студень, в котором можно увязнуть по уши, не в фигуральном, а в буквальном смысле. Такова гарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.